

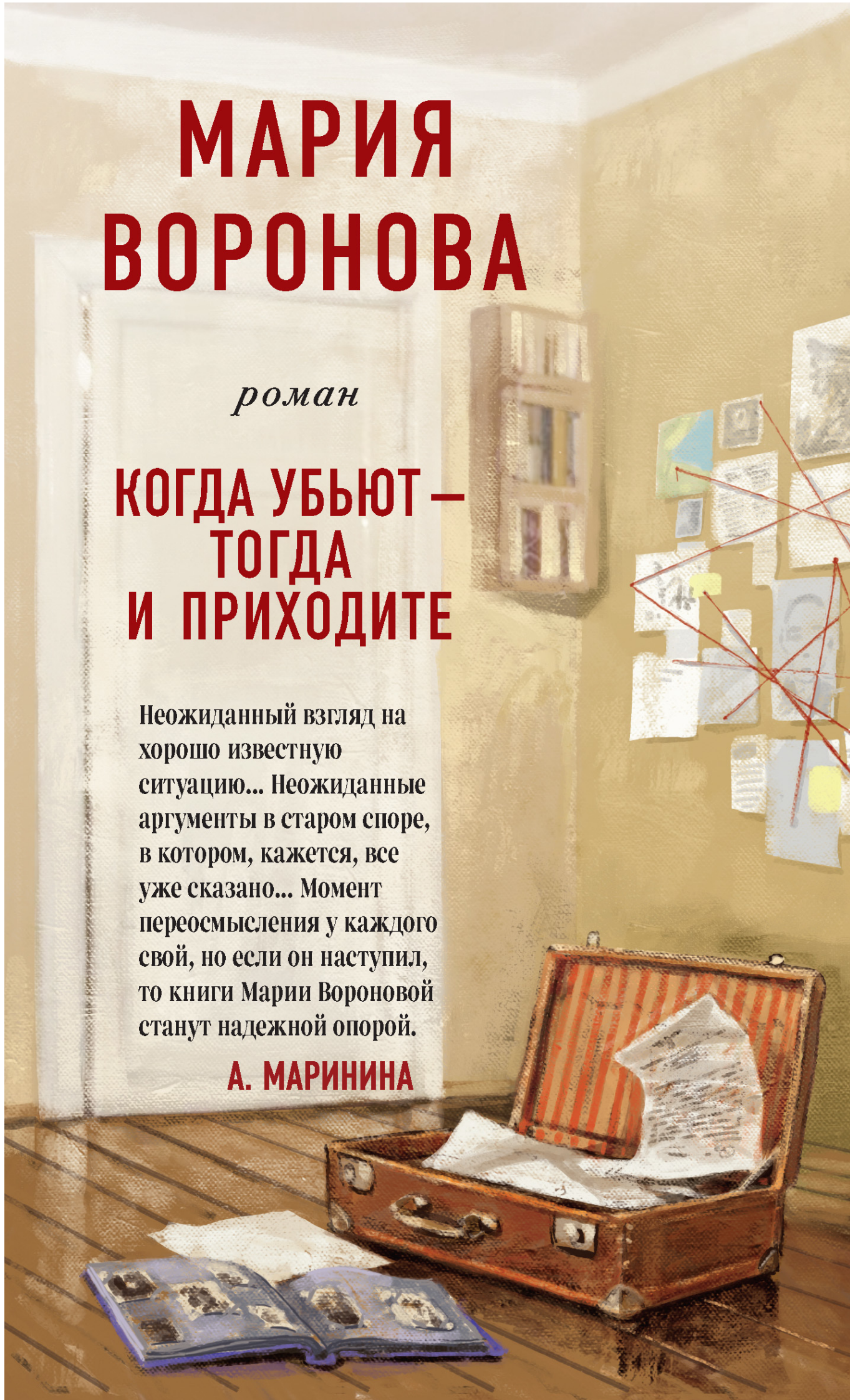
МАРИЯ ВОРОНОВА

роман

КОГДА УБЬЮТ — ТОГДА И ПРИХОДИТЕ

Неожиданный взгляд на хорошо известную ситуацию... Неожиданные аргументы в старом споре, в котором, кажется, все уже сказано... Момент переосмысления у каждого свой, но если он наступил, то книги Марии Вороновой станут надежной опорой.

А. МАРИНИНА

Суд сердца. Романы М. Вороновой

Мария Воронова

Когда убьют – тогда и приходите

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Воронова М. В.

Когда убьют – тогда и приходите / М. В. Воронова — «Эксмо»,
2020 — (Суд сердца. Романы М. Вороновой)

ISBN 978-5-04-110489-4

Судья Ирина ведет дело о халатности врача-травматолога, в результате которой на рабочем месте погибла постовая медсестра. Картина преступления ясна, осталось только определить степень вины травматолога Ордынцева. Но как для врача нет простых операций, так и для судьи не бывает легких дел. Узнав, что за несколько минут до гибели медсестра сделала странный телефонный звонок, а после из ее квартиры исчез семейный архив, Ирина задумывается: действительно ли смерть женщины была трагической случайностью?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110489-4

© Воронова М. В., 2020
© Эксмо, 2020

Мария Воронова

Когда убьют – тогда и приходите

Художественное оформление серии А. Дурасова

© Воронова М., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

РОМАНЫ МАРИИ ВОРОНОВОЙ

Ирина подержала бледный тепличный помидор под горячей водой, вытерла и провела ладонью по его потеплевшему боку, представляя, будто он нагрелся на густом крымском солнце. Ах, мечты еще долго останутся мечтами... Маленьким деткам вредно менять климат, так что сидеть им на даче, пока Володя не подрастет.

Она вздохнула. Кирилл служил срочную на флоте, по морю, надо думать, не сильно скучает, а вот Егор ничего дальше Финского залива не видал. Надо бы ему хоть на будущий год путевку в лагерь достать, хорошо бы в «Артек»...

Прочитав в десятилетнем возрасте повесть Льва Кассиля «Будьте готовы, Ваше высочество», Ирина стала буквально бредить «Артеком». Книга была зачитана до дыр, Тонида-Торпеда надолго сделалась образцом для подражания.

Ира отлично училась, занималась спортом и общественной работой, и когда ее выбрали звеньевой, добилась рекордных показателей по сбору макулатуры и металлолома.

Смешно теперь вспоминать себя тогдашнюю: глаза горели, голос звенел, энергия была фонтаном, и все казалось по плечу. Лев Кассиль и другие прекрасные писатели подарили ей

веру в то, что чудо можно сделать собственными руками. Ирина мечтала, как совершит какой-нибудь подвиг, может быть, даже разоблачит иностранного шпиона, и ее наградят путевкой в лагерь для самых достойных пионеров.

Но время бежало, Ирина старалась изо всех сил, но лучшей из лучших так и не стала, и героические события, увы, тоже обходили ее стороной. Ничем она не заслужила путевку в волшебную пионерскую страну под названием «Артек», а потом как-то уверилась, что прекрасный мир, описанный в любимых книгах, создан вообще не для нее. Другие родились, чтобы побеждать, а ее удел – скучная серость, простое мещанское счастье, и то, если повезет.

До тридцати лет прозябала в этом подобии спячки, спасибо Кириллу, что разбудил.

Ирина тряхнула головой. Решено! Через два года Егора примут в пионеры, и надо во что бы то ни стало достать ему путевку в «Артек». Пусть верит в себя и убедится, что чудо возможно.

За воспоминаниями Ирина не заметила, как покрошила помидоры, сбросила их с разделочной доски в салатницу и заправила подсолнечным маслом. Со сметаной вкуснее, никто не спорит, только сейчас время худеть, а не гурманствовать. Как бы то ни было, на море или на даче, а хочется, чтобы было не стыдно показаться на люди в купальном костюме.

Интересно, где искать ходы, чтобы раздобыть заветную путевку? Надо думать уже сейчас, ибо два года пролетят быстро, оглянуться не успеешь. У Кирилла в профкоме дают путевки в детский санаторий на Черном море, но это оставим на крайний случай. Нам надо не для больных, а для лучших, а все лучшие у нас определяются через партийные органы, а Ирина хоть и вступила недавно в ряды коммунистов, но нужными знакомствами пока не обзавелась.

Вошел Кирилл, поднял крышку с кастрюли и с интересом туда заглянул.

– Скоро Егор придет из школы, и будем обедать, – сказала Ирина, – или ты сейчас хочешь?

Он покачал головой:

– Пойду его встречу на остановке, а заодно хлеба куплю.

– Если не трудно, Кирюш. Ты потерпи уж последнюю недельку.

– Да без проблем. Я даже втянулся.

– А там я снова все-все сама буду делать...

– Ты лучше скажи, это точно последняя? Или твой коварный шеф снова что-нибудь придумает?

– Точнее не бывает. Я ему твердо заявила, что в пятницу мой последний рабочий день, даже если к утру понедельника все остальные судьи таинственным образом исчезнут из города.

Кирилл пожал плечами.

– Да точно тебе говорю! Мне осталось хвосты подбить, да рассмотреть одно небольшое дело о халатности врача.

– Я смотрю, Павел Михайлович тебе специализацию определил. Не успела одного доктора отсудить, как он тут же тебе следующего подсунул.

– Зато торжественно поклялся, что нового ничего расписывать не станет.

– Остается только верить этому честнейшему человеку, – засмеялся Кирилл. – А случай-то хоть простой?

Ирина вздохнула.

– Как тебе сказать, Кирюш... Ясный, да. Но совсем не простой.

Кирилл убежал, насвистывая и размахивая авоськой, а Ирина помешала суп, добавила несколько крупинок соли, которые ничего не изменят в блюде, просто ей нравилось притворяться искушенным поваром с рафинированным вкусом. Таким образом, обед был готов, и мысли повернули в сторону работы.

Предстоящее дело было ясным, как слеза младенца, тут она Кириллу не соврала. Ни малейших оснований опасаться, что истина вдруг выскочит, как чертик из коробочки или пружина из старого дивана. Но приговор вынести будет ой как нелегко...

Почти год назад на рабочем месте была убита пожилая медсестра травматологического отделения крупной городской больницы Любовь Петровна Красильникова. Ее задушил ввалившийся в белую горячку пациент Глодов и тут же был обезврежен больными, способными передвигаться самостоятельно. Сразу вызвали психиатра, диагноз острого алкогольного психоза был установлен официально и позже подтвержден с помощью стационарной судебно-психиатрической экспертизы. Вдгонку мужичку накидали еще целый букет психиатрических заболеваний, поэтому вместо приговора было вынесено решение суда о принудительном лечении, и бедняга поехал поправлять пошатнувшееся здоровье в спецбольничку.

В принципе, «белочка» – частая гостья в стационарах, особенно в хирургических и травматологических отделениях, но убийство медработника – случай вопиющий и требует самого внимательного разбора. В больнице провели собрание, объявили выговор дежурному врачу, сделали выводы и, наверное, собирались жить дальше, но не тут-то было.

Вероятно, у убитой медсестры тоже были родные и близкие, но они смирились с потерей и не требовали никого наказать, а вот алкаш Глодов вдруг оказался не измучившим всех подзаборным ханыгой, а членом большой и любящей семьи, дружно вступившейся за своего родича.

Логика у всех кляузников прямая, как лом: «раз что-то произошло, то кто-то должен быть за это наказан». А кто подходит на роль козла отпущения лучше, чем врач, которому ты имел неосторожность доверить свою жизнь?

Жалобы полетели во все инстанции, словно голуби мира. Родственники сочинили трогательную балладу про безупречного мужа и отца с переломом ребер, полученным в состоянии абсолютной трезвости, которого врач-идиот довел до сумасшествия злонамеренно неправильным лечением, и исполняли ее во всех кабинетах, куда только удавалось прорваться.

К счастью или к сожалению, а система если кому и благоволит, то именно таким оголтелым кляузникам. С каким-нибудь рационализаторским предложением будешь до смерти биться лбом в запертые двери, и если благодарность захочешь выразить кому-то, тоже никто не станет тебя слушать, а с жалобой, доносом и поклепом – будьте любезны. Кажется, даже фельетон такой был с названием «Добро пожаловаться».

Прокуратура держалась до последнего, отразила не одну атаку, но когда в ход пошла тяжелая артиллерия в виде звонка из обкома, сдалась.

На лечение грешить не стали хотя бы потому, что пациенту были назначены только анальгин и таблетки от кашля, да и их он не успел толком вкусить, ибо поступил всего за несколько часов до трагедии. Возможно, врачи проморгали какие-то более тяжелые травмы, способные вызвать острое расстройство психики, например, ушиб мозга или крупозную пневмонию, молниеносно развившуюся на фоне травмы грудной клетки? И снова нет. В приемном отделении больной был полноценно обследован, осмотрен не только травматологом, но еще неврологом и терапевтом, сделаны рентгеновские снимки чуть ли не всего организма.

Эта большая больница называется в народе «ударно-истребительной», туда свозят все подряд, пьяную травму, бродяг, жертв ДТП, и до недавнего времени действительно бывали у них случаи, когда закроют какого-нибудь буянящего алкоголика в изоляторе с диагнозом «перелом пальца», а наутро находят труп, а на вскрытии выясняется, что, кроме мизинчика, пациент повредил себе кое-что еще, без чего долго не живут.

После нескольких таких роковых ошибок врачи сделали выводы и стали обследовать каждого поступающего по максимуму. В самом деле, проще потратить полчаса на осмотр, чем годы на отбывание наказания.

В общем, пациента видели при поступлении три врача – травматолог, хирург и терапевт, и не только не нашли у него тяжелой патологии, но и, что важнее, дружно констатировали, что

больной находился в ясном сознании, специфического запаха не источал и других признаков алкогольной интоксикации тоже не вызывал. А что он только-только оборвал запой, так поди знай... Сам не сообщил, а врачи все-таки не экстрасенсы.

В принципе, практика сидеть дома и трезветь и только потом идти в больницу широко распространена среди населения, чтобы получить оплачиваемый больничный. Глодов упал на поребрик и сломал ребра, будучи в дымину пьян, выходные не пил и за медицинской помощью обратился только в понедельник, как раз на третий день после резкого отказа от алкоголя, самое время для «белочки».

После того как бедняга задушил медсестру, его смотрел не только психиатр, но и другие специалисты, потом он еще раз был обследован врачами психиатрического стационара, так что утверждать, что у больного не было ничего, кроме перелома ребер, можно было с полной гарантией.

В прокуратуре решили, что поводов к возбуждению уголовного дела нет, написали отказ и успокоились, но родственники зашли на второй круг.

Кверулянты вообще страшная сила, а когда точно знают, что им за это ничего не грозит, то удержу не знают просто никакого. Порой решать свои проблемы по суду бывает опасно: если привлекать к себе слишком пристальное внимание закона, всегда есть риск, что он примет не твою сторону, за одним, пожалуй, исключением, – это когда ты нападаешь на врачей. Тут обвиняй во всех смертных грехах, ни в чем себе не отказывай, и ничего тебе за это не будет. Если что, всегда спрячешься в домик своей некомпетентности.

Скорее всего, родственники или подкупили, или пытали какого-нибудь доктора, который предал товарищей по оружию и подсказал, где лазейка. Каждый новый больной должен быть осмотрен заведующим отделением или на следующее утро, если он госпитализирован в вечернее время, или в тот же день, если поступил в рабочие часы. Кроме того, дежурный врач в семь вечера обязан сделать вечерний обход отделения и с особым тщанием осмотреть вновь прибывших.

И надо же было так совпасть, что пациент поступил в пятнадцать пятьдесят пять, а рабочий день заканчивается в шестнадцать двенадцать, так что у заведующим оставалось еще целых семнадцать минут на исполнение своего долга, а он потратил это бесценное время на что-то другое, но особая пикантность состоит в том, что заведующим не осмотрел новенького не только в ипостаси заведующим, но и в виде дежурного врача. Да, именно он заступил на смену и не сделал еще и обязательный вечерний обход, якобы из-за загруженности в операционной.

Вот вам и пожалуйста – халатность в чистом виде, то есть невыполнение или ненадлежащее выполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, причинившее существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан.

Не выполнил доктор свои обязанности? Безусловно. Вследствие небрежного или недобросовестного отношения? Разумеется! Наступил ли существенный вред? Еще какой! Человек лишился жизни.

Это не врачебная ошибка, когда доктор делает все, что необходимо, но из-за нетипичного течения заболевания добросовестно заблуждается, и тут, какими бы трагическими ни были последствия, врача нельзя привлекать к уголовной ответственности, потому что он сделал все что мог и намерения у него были самые лучшие, просто болезнь оказалась коварнее и хитрее. Тут скорее надо привлекать руководство лечебного учреждения, которое не в силах организовать лечебный процесс, приобрести современное диагностическое оборудование, привлечь опытных и компетентных специалистов. Только у нас почему-то любой бардак на уровне администрации это ничего, это обстоятельства непреодолимой силы, а неизбежные в таких случаях промахи рядовых сотрудников становятся страшными преступлениями.

Например, ее предпоследний подсудимый Семен Фельдман, сельский доктор. Из всего оборудования – старенький рентген и наркозный аппарат, которому место в музее, и то эта роскошь до тех пор, пока в деревне электричество не вырубится. А ветром провода оторвет, так сиди при лучине и изо всех сил молись во здравие односельчан. Однако если Фельдман где-то промахнется, то спросят с него, как будто все передовые достижения медицинской мысли были к его услугам...

Впрочем, к теперешнему случаю данная риторика не годится. Доктору Ордынцеву не требовались никакие дефицитные приборы, чтобы подняться в отделение и сделать обход. Да, будем реалистами: его осмотр в шестнадцать часов наверняка ничего бы не изменил. В приемнике пациент был совершенно адекватен, и за те двадцать минут, что потребовались ему добраться до отделения, вряд ли у него развились заметные признаки белой горячки.

Но в истории была бы запись, свидетельствующая, что Ордынцев добросовестно относился хотя бы к своим обязанностям заведующего! В шестнадцать ноль-ноль посмотрел, записал, а в шестнадцать ноль-одна пациент свихнулся. Ну разминулись немножко зеленые чертики с доктором, не встретились, что ж, бывает, и никто не виноват.

Тут важная, но все-таки формальность, а вот с вечерним осмотром совсем иное дело. Подними Ордынцев задницу и пройдишь по отделению, жизнь медсестры была бы спасена. Раз он заведующий, значит, травматолог опытный, глаз на белую горячку должен быть наметан.

Обратил бы внимание, что мужик слегка не в себе, пригласил психиатра, и все. Утром медсестра отправилась бы домой, а пациент вылечил свой перелом и вернулся к так любящим его родным и близким и после очередного запоя придушил бы кого-нибудь из них.

С другой стороны, медсестра была убита в половине десятого вечера, так что в семь пациент мог выглядеть еще совершенно нормальным, и этот несчастный обход тоже ничего бы не изменил...

Вздохнув, Ирина выглянула в окно. Так и есть, Кирилл с Егором катаются с горки, обязательно «на ногах». Ирина в детстве жутко боялась скатываться стоя, но преодолевала себя, а теперь сердце переворачивается, как смотрит на выкрутасы сына, только как запрещать? Ей самой аргумент «мама волнуется» никогда не казался достойным, так стоит ли прибегать к нему теперь?

Егор взлетел по ступенькам, раскачался на перилах, придав себе дополнительное ускорение, и полетел вниз, держа руки, как парящая птица крылья.

Сердце екнуло, и Ирина поспешила отойти от окна. Последние холодные деньки, и скоро все растает, лед с горки сойдет, обнажив набухшие грубо оструганные доски... Зато другие родительские ужасы начнутся, тарзанка, например. Ей-богу, лучше не думать.

Лучше вернемся к работе.

Итак, Ордынцев проявил халатность, тут ясно. Но вот стоит ли его за это наказывать и насколько сурово?

Да, поленился, но сколько докторов по всей нашей великой стране прямо вот в эту самую секунду манкируют вечерним обходом, понадеявшись на профессионализм коллег? Не один и не два, а несколько десятков точно. Кто-то ленится, но большинство стоят у операционного стола или не могут отойти от сложного больного. Разве справедливо, если Ордынцев будет один отдуваться за всех этих ребят только потому, что белая горячка приняла у пациента такое агрессивное направление?

В конце концов, это не того рода халатность, когда медсестра путает бутылки с донорской кровью, врач не перепроверяет, не проводит биологическую пробу, и в результате больные чуть не погибают от гемотрансфузионного шока. И не та, когда опять-таки по недосмотру медсестры пациент получает внутривенно кожный антисептик, остается жив, но администрация пытается спрятать концы в воду, никому не докладывает, и больной все же отправляется в мир иной от острой почечной недостаточности. Правда, в этом случае руководство так мудро размазало

ответственность на всех участников, таким тонким слоем, что прихватить кого-то конкретно оказалось невозможно.

И доктор Ордынцев, в конце концов, не вступал в преступный сговор с заместителем главврача по АХЧ и не красил палаты дешевой, но токсичной краской для наружных работ, каковая махинация вскрылась, только когда пациентка чуть не умерла от приступа астмы.

Нет, бедняга всего-навсего пропустил один маленький обходик, а точнее говоря, не оставил соответствующей записи.

Проявил бы чуть больше смекалки, нацарапал бы быстренько, что в девятнадцать ноль-ноль у больного жалоб нет, сознание ясное, состояние удовлетворительное, и все. И родственники бы утерлись. И никогда в жизни никто бы не доказал, что он больного не видел.

До прибытия милиции времени у Ордынцева было достаточно, чтобы навести порядок в документах.

Такой кристально честный? Или психика ранимая? Или, наоборот, настолько беспечный разгильдяй, что забыл не только провести обход, но и о том, что в принципе надо это делать и фиксировать в историях?

Как отнестись к его поступку? Как к мелкому нарушению, которое оказалось лишь звеном в роковой цепи случайных обстоятельств, или как к тяжелому преступлению, ставшему причиной смерти человека?

Сломать судьбу хорошему специалисту или слегка пожурить его и отпустить дальше лечить людей?

Душа склоняется ко второму варианту, но разум советует хорошенько подумать.

Взять хоть одиозный случай с тем забулдыгой, умершим от перелома мизинца. Тоже тогда возмущались, что он сам виноват, и нечего хорошим врачам трепать нервы из-за какого-то подзаборного алкаша. Умер и умер, сам себя угробил. Но следователь попался ретивый, и хоть до суда не довел, но небо в алмазах кому надо показал, и что же? Теперь в приемнике больных осматривают в разы внимательнее.

Если она проявит снисхождение к убийце, то это плохо, но не так страшно, потому что все и так знают, что убивать плохо. Этот нравственный барьер нормальному человеку почти невозможно перешагнуть, а вот похалтурить – совершенно другое дело. На такое гражданин идет с большим удовольствием.

А чего нет-то, если можно?

Так что гражданский долг требует показать, что нельзя, но судят человека для того, чтобы назначить ему адекватное наказание, а не в назидание другим.

Тут за дверью раздался смех и энергичный топот – это Кирилл с Егором отряхивали с ботинок снег.

Ирина побежала открывать.

Долой мысли о работе!

По радио передавали песню из «Иронии судьбы». Катя хотела выключить – и сам фильм, и музыка из него почему-то с детства навевали на нее тоску, особенно эта песня, про «если у вас нету тети».

Она тогда еще и смысла не понимала никакого философского в этом «а если вы не живете, то вам и не умирать», а все равно на душе становилось тягостно и мутно. Предчувствие, что ли?

«Думайте сами, решайте сами, иметь или не иметь», – весело говорил из радиоприемника приятный голос, а Катя не знала, что ему ответить.

От перебора гитарных струн тоска будто укусила за сердце, и Катя вскочила с дивана, опрокинув на пол сложную конструкцию учебников и конспектов, открытых на нужных местах, но, когда добежала до радиоприемника, песня уже кончилась. Ладно, все равно не до учебы.

После смерти тети Любы она потихоньку приучилась курить. Не часто, а только когда становится особенно грустно.

Катя резко ударила спичкой об уже почти исчирканный бортик коробка в точности так, как это делала тетка. Еще у тети Любы была странная привычка прятать обгорелые спички обратно в коробок... В надежде прогнать грусть Катя глубоко затаилась.

Больше никто не станет ее гонять и кричать, что она будущая мать и вообще сигарета в руках девушки стыд и позор. «А сама-то, сама?» – робко пищала Катя, а тетя Люба тяжело вздыхала: «А сама-то я много что делала в жизни, чего тебе не посоветую, так что ж теперь?»

– Так что ж теперь? – вслух спросила Катя.

Почти минул год с тех пор, как тети Любы не стало, а она все еще верит, что та когда-нибудь вернется.

Так было и с мамой, да что там было, до сих пор есть. Как тогда, в свои девять лет, она думала, что после похорон мама будет ждать их дома, так до сих пор сердце иногда екает от звонка в дверь.

Катя снова затаилась и закашлялась. Права тетя Люба, курить вредно, да ей и самой это прекрасно известно, как медсестре и будущему врачу.

Только смысл себя беречь? Ради кого? Будущих детей, что ли, которые далеко не факт что появятся.

Катя посмотрела в окно. На улице стемнело, поэтому она отразилась в окне довольно-таки ясно: обычная девушка, ничего особенного. Недавно Катя в какой-то книге прочитала фразу: «Ни один мужчина не посмотрел на нее дважды». Прямо как про нее сказана эта холодная и безнадежная фраза, не в бровь, а в глаз.

В памяти запечатлелось, как мама называла ее красавицей, и тетя Люба тоже говорила, что она девчонка хоть куда, и из всех сил старалась ее принарядить, только ничего не помогло. Не успела тетка выдать ее замуж и долгожданных внуков не увидела.

Катя вздохнула. Не хотелось вспоминать, но прошлое никогда не уходит из опустевшего дома.

Вообще Катя, с младенчества впитав идею, что главное для женщины – это семья, а для нее особенно, потому что ей надо быть счастливой за всех троих – маму, тетю Любу и себя саму, не слишком стремилась к высшему образованию, после восьмого класса пошла в медучилище и вдруг окончила его с красным дипломом.

Грех было не воспользоваться таким шансом, Катя поступила в медицинский институт и устроилась на полставки в оперблок в тети-Любину больницу.

И все у нее было отлично! Учеба давалась намного легче, чем она думала, на работе коллектив тоже принял ее доброжелательно, никто не унижал, а наоборот, помогали освоиться молодому специалисту.

Хоть зарплата и небольшая, но вместе со стипендией денег в их маленькой семье стало вдосталь, начали даже откладывать.

Катя тогда сразу влюбилась в одного доктора, ни на что особо не надеясь, а просто так, потому что иначе неинтересно. Немного замиранья сердца, чуть-чуть быстрых взглядов, завивка на бигуди, которую под медицинской шапочкой все равно было не видно. Катя убеждала себя, что ужасно страдает без взаимности, а теперь эти дни вспоминались как счастье и предчувствие чуда.

Потом был новогодний вечер в актовом зале, и тетя Люба специально ушла пораньше, чтобы Катя повеселилась без ее строгого пригляда, и вдруг возлюбленный пригласил ее танцевать. А потом увлек куда-то, и Катя следовала за ним по полутемным пустым коридорам, от счастья не чуя земли под ногами. Потом он распахнул перед ней дверь, сказал: «Прошу, пани». Катя задержалась на пороге, но в темноте за письменными столами мигала гирляндой маленькая елка, в свете уличных фонарей поблескивали развешенные по окнам гирлянды из разно-

цветной фольги, и Кате стало таинственно и жутко. Все кружилось, мир исчезал, а она впервые целовалась с мужчиной. Было как на американских горках, когда непонятно, чего больше – страха или восторга.

Вдруг ласки его сделались откровеннее, рука скользнула под юбку, и Катя опомнилась, вырвалась.

– Что не так? – прошептал он. – Скажи...

– Я не такая, – выпалила Катя.

Это заклинание вдолбила ей тетя Люба, вместе с максимой «до свадьбы ни-ни». Все что угодно позволялось Кате делать, только не это.

– Не такая, – повторила она.

Он пожал плечами. В темной ординаторской лица было не разглядеть, но ей показалось, что он улыбается.

– Тогда извини.

Она выскочила за дверь и пулей полетела домой, боясь не его, а того, что к нему вернется.

Наверное, то была самая прекрасная ночь в ее жизни, полная надежд и грез.

Когда в окно заглянуло бледное зимнее солнце, у нее было уже все готово, начиная от свадебного платья и заканчивая дружной старостью. Имена детей, их количество и пол, даже клубника для внуков на пенсии – все было продумано во всех подробностях.

А как же иначе? Мужчины ведь женятся именно на «не таких»!

Весь день она ждала звонка, обмирая всякий раз, как телефон подавал голос, но он так и не дал о себе знать ни на следующий день, ни после.

Катя убедила себя (почти), что номер ее телефона совершенно невозможно узнать ни у кого во всей огромной больнице, и то, что она племянница тети Любы, тоже является тайной за семью печатями, и тщательно подготовилась к выходу на работу.

Ее всегда ставили на сутки в воскресенье, и Катя надеялась, что если он не дежурит в выходной, то она столкнется с ним утром понедельника на общебольничной пятиминутке.

Поэтому на смену были взяты щипцы для завивки, лак и второй накрахмаленный халат.

Что ж, он дежурил и кивнул ей, как старой доброй знакомой, будто между ними совсем ничего не случилось. Не подошел, не поговорил, ничего...

Катя еле отработала и утром поехала не в институт, а домой и плакала весь день, уверенная в том, что судьба нанесла ей самый тяжелый удар.

Катя почувствовала, как щеки заливают краской стыда. Она ведь злилась тогда на тетю Любу за накрепко вбитый в голову запрет, считала, что если бы все случилось, то он бы уже никуда не делся.

Целую неделю Катя была в отчаянии, а потом подошла сессия. Кате было стыдно, что вроде как жизнь разрушена, а она беспокоится за оценки, и она загадала: сдаст на тройки – и все у нее будет хорошо в личной жизни. Даже не готовилась особо, а сдала на одни пятерки, и так расстроилась, что все каникулы пролежала лицом к стене, оплакивая свое грядущее одиночество. Тетя Люба ни о чем не спрашивала, только пекла Катинo любимое печенье, и как бы в пространство замечала, что судьба плетет интересные узоры и порой, да, бывает жестока к одному человеку, но к целому роду – никогда, а раз уж их с сестрой жизни война перепахала, то у Кати точно все будет хорошо. Очень хотелось верить в тети-Любину теорию, но здравый смысл подсказывал не тешить себя напрасными надеждами.

Пока Катя вспоминала, сигарета прогорела, и длинный столбик пепла упал на подоконник. Она быстро протерла все влажной тряпкой – не хватало еще квартиру сжечь!

Тетя Люба страшно боялась пожара. Электрический утюг они так и не достали, гладили чугунным, нагревая его на плите, а вот с плойкой была беда. Тетя Люба по десять раз проверяла, выключены ли щипцы, а потом могла еще с полдороги вернуться. А когда завивалась, то

напевала себе под нос неприличную частушку: «Кудри выются, кудри выются, кудри выются у гм-гм, ах, почему ж они не выются у порядочных людей?»

Катя улыбнулась. Нет, пожалуй, знает она, что ответить авторам той песни. Не надо бояться потери. Боль и тоска, наверное, когда-нибудь проходят, а любовь остается навсегда.

Владимир Ордынцев постучал в дверь класса.

– Войдите, – раздался спокойный, но сильный голос, каким владеют только учителя начальной школы и командование вооруженных сил.

Ордынцев потупил взор, сделал брови домиком и вошел. Нет, он не боялся по-настоящему учительницы сына, хотя Гортензия Андреевна, надо отдать ей должное, могла впечатлить кого угодно.

– Наконец-то вы удостоили нас своим вниманием. – Гортензия Андреевна встала из-за стола и указкой показала ему на первую парту в среднем ряду.

Ордынцев послушно сел, с трудом уместившись на детском стуле. Колени уперлись в крышку парты, он попытался устроиться удобнее, как показывала нарисованная девочка на большом плакате над доской, но ничего не вышло.

– Итак, начнем, – сказала Гортензия Андреевна, постучав указкой перед его носом. Как раз в этом месте на парте было довольно глубоко выцарапано «Вова – индюк». Ордынцев не сдержался, фыркнул.

– Не вижу повода для веселья. Вот полюбуйтесь, как пишет ваш сын, – Гортензия Андреевна разложила перед ним раскрытые тетрадки, – а вот для наглядности работа Олечки Вернер.

Что ж, разница очевидна. Ордынцев вздохнул.

– В защиту Костика могу сказать только, что он сын врачей. Не в кого ему было каллиграфом уродиться.

– Владимир Вениаминович, прилежание! – Гортензия Андреевна прошлась перед доской, легонько похлопывая указкой по ладони. – Прилежание и еще раз прилежание! Это фундамент любых знаний и умений. А у вашего ребенка ветер в голове. Ведь умный мальчик, а порой ведет себя так, будто с луны свалился.

– Да?

– Не будем далеко ходить за примером, а возьмем Костин дневник наблюдения за природой и трудовой деятельностью человека.

Ордынцев удивился, что у его ребенка есть такой солидный документ, но постарался сохранить невозмутимость.

– Классу было дано задание распределить явления природы по временам года, и оказывается, ваш сын считает, что увядание травы – это признак весны.

– Правда?

– Смотрите сами, – Гортензия Андреевна положила перед ним новую тетрадь, – причем написано с грубейшей ошибкой.

Ордынцев присмотрелся. Действительно, «увидание». Странно, ведь у Кости автоматическая грамотность, он в три года научился читать и писать и сразу правильно, даже Р и К никогда не поворачивал в другую сторону.

– Он маленький еще, Гортензия Андреевна. Увядание пока не его тема. Да и слово забористое.

– Люблю я пышное природы увядание, в багрец и золото одетые леса, – продекламировала учительница.

– Все, я понял! – воскликнул Ордынцев. – Это он видел!

– Что?

– Увидание травы – это когда она из-под снега появляется и люди ее увидели после зимы.

– Надо же, – Гортензия Андреевна вдруг улыбнулась, – а мне и в голову не пришло... И правда все сходится тогда. В таком случае скажите Косте, что, если ему что-то неясно, пусть не додумывает, а спросит учителя или товарищей. Только, к сожалению, это далеко не последнее прегрешение вашего ребенка.

– Боюсь даже подумать, что дальше.

– Не надо иронизировать, Владимир Вениаминович! – Гортензия Андреевна внушительно кашлянула и поправила и так безупречную прическу.

Ордынцев всегда поражало, как эта дама умудряется держать в узде тридцать пять мелких сорванцов и при этом выглядеть так, будто только что сошла с конвейера безупречных педагогов. Ни складочки, ни пятнышка, ни морщинки, кружевной воротничок и камея, и секретный волшебный взгляд, способный за долю секунды превратить стаю диких макак в дисциплинированный класс.

– Ваш Костик подрался с Бородянским!

– Ну они ж мальчики... Бывает.

– Нет, Владимир Вениаминович! Не бывает и быть не должно! Любой спор можно разрешить словами, а не кулаками.

– Вероятно, так.

– Пожалуйста, донесите эту мысль до своего ребенка. Он у вас задира, а родители Бородянского считают, – тут Гортензия Андреевна кашлянула и сильно понизила голос, – считают, что он антисемит.

– Господи, да он слова-то такого не знает!

Учительница многозначительно поджала губы.

– Да точно не знает! – Ордынцев нахмурился. – И негде ему было этой дряни нахвататься.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Антисемит, надо же... А как тогда быть с Евдокимовым? Помните, как он хвастался, что папа ему наточил писчее перо так, что можно кожу пробить, и доказал это на примере руки моего сына, так что кровь хлестала по всему классу? Так мне что теперь, считать Петьку Евдокимова анти... Слушайте, не знаю даже анти кем... У нас какой только крови не намешано!

– Хорошо, Владимир Вениаминович, не будем углубляться в эту тему. Просто объясните сыну, что драться нехорошо. Надо заниматься с ребенком, прививать ему правильное мировоззрение и ценности, учить его добру, а не черт знает чему!

– Так я стараюсь...

– Я вижу, – процедила Гортензия Андреевна, – приведу в пример нашу новогоднюю елку. Все дети нарядились в костюмы добрых персонажей, девочки – снежинки и царевны, мальчики – царевичи и коты в сапогах, любо-дорого посмотреть! И только ваш сын был мумией! Вдумайтесь только, Владимир Вениаминович, – мумией! Ужасный, совершенно чуждый нашей культуре персонаж, который, увы, перетянул на себя все внимание детей, так что запланированное представление оказалось на грани срыва!

Ордынцев хотел было заявить, что он ни при чем, но опомнился, что закладывать товарищей нехорошо. Костя позвонил ему на работу в десять вечера и светским тоном сообщил, что вспомнил, что у него завтра костюмированный бал, и не может ли папа что-нибудь предпринять по этому поводу, иначе «Гортешка» будет ругаться. Ордынцев не мог отлучиться со службы и попросил о помощи Лешу Жукова, дежурного хирурга, чей сын учился в той же школе на несколько классов старше. «Будь спок», – сказал Леша и по пути со смены заглянул сначала в пивной ларек, а потом в школу, где профессионально обмотал Костю с головы до пят прихваченными из перевязочной бинтами.

Вспомнив, в каком восторге был сын, Ордынцев невольно засмеялся.

– То была не мумия, а десмургия, – проямлил он.

– Ни слова больше! – учительница нахмурилась. – Я знаю, что вы попали под дурное влияние этого хулигана Жукова! Я выучила его самого, выучила его старшего сына, но когда младший достигнет школьного возраста, я выйду на пенсию, ей-богу! Или на тот свет, главное, оказаться где-то подальше от этой чумы!

Ордынцев кашлянул, не зная, что сказать.

– Не думайте, Владимир Вениаминович, что я придираюсь или предвзято отношусь к вашему сыну. Это не так. Наоборот, я считаю его умным ребенком, поэтому так и настаиваю на том, чтобы вы развивали в нем навык прилежания. На одних способностях далеко не уедешь, вы сами должны это знать. Мальчик мог бы быть круглым отличником, а допускает такие глупейшие ляпы вроде «увидания» травы.

– Что поделать, Гортензия Андреевна... Учение требует ошибок.

– Вы слишком снисходительно к нему относитесь. Владимир Вениаминович, вы же врач, а врач не имеет права ошибаться!

Ордынцев поморщился, встал из-за тесной парты и развел руками:

– Увы... Не имеет, но ошибается.

Он приготовился к страстной нотации насчет священной миссии врача, но учительница улыбнулась ему неожиданно тепло.

– Вы только помните, Владимир Вениаминович, что друзей у Кости может быть много, а отец – один.

– Спасибо, Гортензия Андреевна, учту.

Пока отца распекали, сын играл на школьном дворе в футбол, как всегда, азартно и изо всех сил, поэтому испачкался до ушей в сером весеннем снегу и, что встревожило Ордынцева гораздо сильнее, вспотел.

Владимир снял с шеи шарф и закутал в него Костю, не обращая внимания на громкие протесты.

Варежки тоже насквозь пропитались водой, и Ордынцев дал сыну свои перчатки. Их Костя принял уже благосклоннее.

Ордынцев набросил на одно плечо Костин ранец, и, взявшись за руки, они зашагали к перекрестку.

– Ну что? – спросил сын нарочито равнодушно.

Ордынцев пожал плечами:

– Да ничего. Меня ругали, не тебя. И в общем за дело.

– Что ты такого сына воспитал?

– В смысле? Какого такого?

– Ну такого, как я. Гортешка всегда говорит: Ордынцев, что из тебя вырастет? Куда только отец смотрит?

– Костя, никто из тебя не вырастет, кроме тебя самого. Только ты давай действительно поднажми, что ли... Аккуратнее будь и собраннее, а если что непонятно, спрашивай. Представь, я бы на работе тоже все делал шалаяй-валяй, в нули бы не выводил...

– Что?

– Ну косточки бы правил так, как ты в своих тетрадках пишешь. Потянул, гипс накинуд, и слава богу! Пойдет, не себе! Подумаешь, человек всю жизнь потом будет хромать, мне какая забота?

– Ну так то человек!

– А без разницы! – вскипел Ордынцев. – Любую работу надо делать добросовестно. Понял?

Костя молча кивнул и насупил, чего Ордынцев совершенно не выносил.

– Зайдем в булочную, что-нибудь купим для чая? Помнишь, ты когда маленький был, говорил «два чая»?

В булочной упоительно пахло хлебом и какой-то неуловимой сладостью. Ордынцев взял свежайший городской батон и полкило фигурных пряников. Сумки у них не было, поэтому кулек с пряниками Костя понес в руках, а батон Ордынцев сунул во внутренний карман пальто, предварительно отломив сыну длинную острую горбушку. Подумав немного, он от второй тоже оторвал себе хрустящую пупочку.

Дома их ждал Иван Кузьмич. Тесть не только отремонтировал кран в ванной, но нажарил картошки с луком так, как умел делать только он. Ордынцев, не переодевшись, упал на диван, только сейчас начиная понимать, как сильно устал и измотан.

Костя повис на бабушке, прижался изо всех сил, тот так и передвигался по квартире с внуком на шее.

– Сумчатый дед, – улыбнулся Ордынцев.

– Пойдем ужинать. Я пивка принес.

– Нет слов, Иван Кузьмич, нет слов!

Поев вкусной, как мясо, картошки совокупно с бутылочкой жигулевского, Ордынцев совсем осовел, но надо было серьезно поговорить с тестем.

Он еле дождался, пока Костя наелся и убежал делать уроки, и с трудом стал подыскивать слова, но Иван Кузьмич опередил его.

– Ты как, Володь? Держишься?

Ордынцев развел руками.

– Хочешь, я завтра приду в суд?

– Не стоит. Я только хуже нервничать буду.

– Смотри... А то я могу выступить и сказать, что этот гад до последнего выглядел как мы с тобой. Ничто не предвещало...

– Спасибо, Иван Кузьмич, но не нужно. Вы ж не врач, и ваше суждение в данном случае силы не имеет. Я вас только попрошу... Вы, если что, о Костике позаботьтесь, пожалуйста.

– О чем речь, сынок! У меня же, кроме вас с ним, никого в жизни-то и не осталось.

– Не мне вас учить, но вы с ним, если что, постороже будьте. По-отцовски подойдите... Ну и про меня как-нибудь так скажите деликатно... Хотя не знаю, как можно деликатно объяснить пацану, как его папаша загремел на нары без вины...

Ордынцев поморщился. Понимая, что уделяет сыну преступно мало времени, он старался воспитывать Костю личным примером, убеждал, что работа – это не скучная повинность, не тягостное времяпрепровождение и суровая необходимость, а прекрасное увлекательное занятие, придающее жизни смысл. Это большое счастье – заниматься любимым делом и делать его хорошо, приносить людям пользу. И сын вроде бы это понимал и мечтал, что будет таким же врачом, как папа и дядя Леша Жуков, но что с ним станет, какой переворот в мировоззрении, если он узнает, что отец только прикидывался настоящим врачом, а на самом деле халтурщик и разгильдяй? Разглагольствовал перед сыном о призвании, а работал спустя рукава, стало быть, еще и лицемер.

Ордынцев привык трезво смотреть на вещи, поэтому понимал, что тюремный срок – вполне реальная для него перспектива, и не знал, что больше страшило его – сама несвобода, или что сын узнает правду. Хотелось бы скрыть ее от Костика, только шила в мешке не утаишь, найдутся сердобольные граждане, откроют ребенку глаза на родного батю.

– Иван Кузьмич, вы ведь его к себе заберете? Так, может, и в школу его отдадите там поближе, где про нас никто не знает? Хотя, конечно, жаль будет его отрывать от друзей, и учительница хорошая...

– Разберемся, Володя. Не переживай за то.

Тут в кухню вбежал Костя, и мужчины замолчали.

– Что, сынок?

– Хотите загадку? Я чуть с ума не сошел, пока отгадал!

– Давай!

– Чего у лисицы нет, у вороны две, а в огороде три?

– Буква «о», – сказал Иван Кузьмич почти без всякой паузы.

– Ты знал, дед!

– А вот и нет!

– Да знал!

Ордынцев не хотел, но все же сделал сыну замечание: невежливо обвинять людей, что они лукавят, особенно старших.

Хоть ум его и был занят тягостными мыслями о завтрашнем суде, все равно стало чуть завидно, что дед разобрался в задачке быстрее него и дал ответ, когда Ордынцев даже еще не додумался, что искать надо в названии, а не в понятии.

Вообще, он не раз имел случай убедиться в необычайно остром уме Ивана Кузьмича. Вроде бы обычный работяга на заводе, простой токарь, даже не передовик производства, а эрудиции и сообразительности позавидует любой профессор. Он почему-то не вступал в партию, поэтому при неизменно высоких показателях его никак не отмечали и не продвигали по карьерной лестнице, но тесть и без этого чувствовал себя прекрасно. Он много читал, но почему-то трогательно стеснялся своего широкого кругозора. Делясь каким-нибудь интересным фактом, всегда добавлял «недавно по телику видел», но Ордынцев, после института хоть и сильно уронивший свой культурный уровень, все же мог отличить образованного человека от нахватавшегося по верхам.

Поколение такое... Около года назад у него был пациент, на первый взгляд совершенно обычный мужичок слегка за шестьдесят по фамилии Михальчук. Бедняга попал в больницу в опасные времена – по травме рыскал доцент Тарасюк и в поисках материала для своей диссертации оперировал всех подряд, надо – не надо, а главное – оперировал ужасно. Вообще, хирургическое лечение переломов дело хорошее, но в руках этого товарища риск операции в разы превышал ее возможные выгоды, и Ордынцев по-партизански старался перехватывать у него пациентов, потому что хоть доцент числился сотрудником кафедры, пациенты лежали в отделении, и вся неутешительная статистика обрушивалась на первую травму. Ну и гуманность тоже немножко его толкала на помощь людям, куда без нее.

Помнится, он сделал отличную репозицию тому деду и получил от Тарасюка нагоняй за противодействие научной мысли, но полчаса послушать оскорбления все равно проще, чем потом долго и нудно лечить пациента от какого-нибудь остеомиелита.

Мужичок оказался активным, быстро встал на костыли, и как-то Ордынцев застал его в учебной комнате, где тот изучал наглядные пособия, посвященные разным методам остеосинтеза. Он мгновенно разобрался в технической стороне вопроса и тут же предложил несколько мелких, но остроумных улучшений. Ордынцев и сам имел несколько мыслей на эту тему, и вскоре завязалась интереснейшая беседа. Кроме всего прочего, дед рассказал ему, как подавать рационализаторские предложения, признавшись, что сам получает «за рац» по десятке к каждой зарплате, и то в плохое время, а так, бывает, что и по четвертному выходит. Он оказался заслуженным рационализатором Украины и в свое время, работая на Донбассе горноспасателем, придумал механизм, препятствующий обрыву клетки.

Они вместе разработали методику внешнего остеосинтеза, и Ордынцев уже договорился с тестем, что он по чертежам выточит конструкцию на своем рабочем месте, но Михальчук вдруг скоростно скончался. Чертежи были у него, и Владимир постеснялся беспокоить родственников, думал зайти позже, через месяц-другой, но Тарасюк нажаловался кому надо, и

ему запретили проводить исследования, так все и забылось, а вскоре умерла Любовь Петровна, и вообще стало не до этого.

Но Ордынцев прекрасно помнил свой шок, когда узнал, что у Михальчука было всего три класса образования, да и это не точно. Во время войны парнишка попал в оккупацию. Всю деревню сожгли, а Михальчука спасло только то, что они с сестрой ушли на целый день за грибами. Ребята прибились к партизанам, воевали, и, наверное, после такого трудно снова сесть за парту, даже когда наступил мир. А если бы нашлись родные, убедили, поддержали, то, страшно подумать, каких высот он мог бы достичь! Академиком бы стал, как минимум.

Да и Любовь Петровна тоже была очень умная женщина, не хуже иного врача. У Ордынцева редко выпадали спокойные дежурства, потому что он имел роковое свойство притягивать к себе работу (обычно говорят, что работа дураков любит, но в медицине магнетизм на труд свойство совершенно непредсказуемое), но в часы затишья он любил попить чайку с Любовью Петровной. С молодыми сестрами не садился, чтобы не рождались в коллективе всякие идеи, а с Красильниковой – с большим удовольствием. И тоже она удивляла его глубокими суждениями, даже в части профессиональных знаний, напоминала то, что он сам уже забыл.

Такое это было поколение, что думало не о себе, не о личном успехе, а о нуждах всей страны. Где могли приносить пользу, там и были, а скромность не позволяла считать, что с образованием они дадут своей родине гораздо больше.

Ордынцев вспомнил, как родители психовали в год его поступления, как сам он не хотел в армию, не из страха, а из снобизма, что ли... Все одноклассники пойдут в институты, а он будет бегать в противогазе и кирзовых сапогах, как последний дурак. О том, как лучше для страны, он не задумывался ни на секунду, и, зная про себя, что эгоист и обыватель, Ордынцев особенно уважал самоотверженность старшего поколения.

Шумно расцеловав Костика, Иван Кузьмич отправился домой, а Владимир начал мыть посуду после ужина со странным чувством, что, возможно, делает это последний раз перед долгим перерывом. Дело его простое, растабарывать не о чем, а поскольку люди, требуя от врачей стопроцентной гуманности и милосердия, сами к ним беспощадны, то очень может статься, что его заключат под стражу прямо завтра.

Ордынцев взял железную мочалку и остервенело принялся оттирать сковородку от нагара. Господи, как обидно будет сесть! И как несправедливо... Он переживал смерть Любви Петровны как утрату родного человека и да, чувствовал, что виноват, но не до такой степени, чтобы загреметь на нары. Он же не с медсестричкой обжимался, а работал в операционной, реально не было в тот день времени подняться на этаж! Ордынцев привык к насыщенным дежурствам, но те сутки особо задались. В ту же секунду, как принял смену, привезли двух пострадавших в ДТП и почти одновременно доставили падение с высоты. А всякие там сломанные руки и носы и не сосчитать было... Пятница и получка, самое пекло для травматолога. И, в довершение всего, бригада была откровенно слабая. Кроме него, еще два травматолога, для которых гипсовая лонгета – венец мастерства. Во всяком случае, никому из них он, как ответственный дежурный, не мог поручить самостоятельно оперировать.

Порой среди хирургов находился добрый человек, способный зашить рану или вправить вывих, пока коллеги потеют в операционной, но в ту пятницу таких альтруистов, увы, не случилось.

В общем, никак ему было не вырваться на вечерний обход, но он по этому поводу не сильно волновался, потому что лечащие врачи, уходя, заверили, что у них все спокойно, под наблюдение никого не оставили, и Любовь Петровна, когда он около пяти вечера заскочил в ординаторскую за новым стержнем, сказала, что все тихо. И на бегу сунула ему конфету «Старт».

Ордынцев скривился, чувствуя, что еще чуть-чуть – и заплачет.

Сковородка заблестела, он сполоснул ее и поставил в духовку.

Достал с антресолей старый просоленный ветрами рюкзак и стал складывать туда трусы и майки, спортивные штаны, мыло, зубную щетку, бритвенные принадлежности и любимый старый свитер. Надо подготовиться к худшему.

В чем он реально виноват, так это в том, что не привел историю того чертова алкаша в божеский вид! Надо было потратить одну минуту на короткую запись в истории – и все! И сейчас не пришлось бы участвовать в этом цирке в роли козла отпущения. И ведь думал об этом, и даже хотел, но почему-то непорядочным показалось думать о своей шкуре перед лицом трагической смерти. Подлю, что ли... Вот и довыпендривался, дурак!

– Что ж, товарищи, – сказала Ирина, опуская кипяtilьник в банку с водой, – нам с вами предстоит рассмотреть весьма запутанное с этической точки зрения дело, поэтому попрошу вас быть крайне внимательными.

– Да уж куда запутаннее, – фыркнул Бимиц, поводя могучими плечами. – Когда человек хотел помочь, но не получилось, то всякий раз прямо не знаешь, что и делать: то ли расстрелять, то ли повесить, а может, в кипятке сварить. Прямо вот разрываешься между этими вариантами.

Ирина улыбнулась, а Кошкин приосанился и махнул рукой так, будто давал направление танковой колонне:

– Отставить! Дежурный врач – это тот же часовой, он не имеет права покидать свой пост. Ордынцев должен ответить за свою разболтанность, которая привела к смерти человека!

– Товарищи, товарищи! Я вижу, что у вас обоих есть твердая позиция, но сейчас вы должны забыть о ней и как можно более непредвзято изучить обстоятельства дела.

– Мне и так все ясно.

– И мне. Это же надо додуматься – врачей судить! Одного за другим, одного за другим, – Бимиц сокрушенно покачал головой.

Ирина подумала, что действительно среди ее подсудимых представителей этой гуманной профессии как-то многовато. Тут с клекотом закипела вода в банке, она убрала кипяtilьник, насыпала заварки и прикрыла банку блюдечком, рассеянно наблюдая, как парят в воде чайники, словно каракатицы, оставляя за собой темные облака. Когда заварка осела, она хотела разлить чай по чашкам, но ее опередил Бимиц, взяв горячую банку прямо за горлышко своей огромной мозолистой ручищей.

– Товарищи, прошу вас, – улыбнулась она, – без вас мне не разобраться. Могу я рассчитывать, что вы отнесетесь к делу внимательно и серьезно?

– А то ж!

– Так точно!

Кошкин достал из портфеля небольшой кулек с карамельками, и они мирно попили чаю. Ирина улыбнулась. Выдергивая ее из декрета, председатель суда обещал царские условия и в общем не соврал. Заседателей ей назначил действительно прекрасных – умных, вдумчивых и порядочных, а главное, с разным мировоззрением. Бимиц слегка диссидент, а военрук Кошкин такой коммунист, что дальше ехать некуда. Одному свободу подавай, второму дисциплину. В общем, великолепно дополняют друг друга.

Не так давно по телевизору показывали фильм «Место встречи изменить нельзя», и Ирина с Кириллом с удовольствием его пересмотрели. Во время премьеры несколько лет назад она следила за сюжетом и не слишком обращала внимания на нравственные вопросы, поднятые в этой киноленте, а сейчас всерьез задумалась, кто прав – Жеглов или Шарапов? Допустимы ли мелкие нарушения закона, чтобы привлечь к ответственности заведомого негодяя, или правосудие можно вершить только чистыми руками? Когда она хотела обсудить это с Кириллом, он засмеялся и сказал, что фильм вообще не о том, а о важности слаженной работы коллектива, в котором один считает так, другой эдак, и в результате достигается истина.

Так вот они с Кошкиным и Бимицем за без малого две недели работы достигли этой слаженности, так что расставаться будет по-настоящему жалко.

Напившись чаю, они отправились вершить правосудие.

Халатный Ордынцев оказался некрасивым, но дьявольски обаятельным мужиком. Вроде бы ничего особенного, худощавый, даже щуплый, лицо ассиметричное, нос – нечто среднее между шнобелем и рулем, а хочется смотреть и смотреть.

Интересный все-таки феномен – человеческая привлекательность. С красотой понятно, тут либо повезло, либо нет, но любят ведь не только людей с безупречными пропорциями лица и тела. Наоборот, красотой один раз восхитились и забыли, а какой-нибудь страшок притягивает, как магнитом. В чем тут секрет? Может быть, в увлеченности? Как ни стой на материалистических позициях, но, когда у человека есть интерес к жизни и работе, он с радостью трудится, преодолевает препятствия, глаза горят от азарта, вокруг него создается очень притягательное поле. Вспомнить хоть преподавателей в университете. На одних лекциях изнываешь от скуки, а на других хочешь немедленно посвятить жизнь изучению именно этого предмета, даже если объективно он невероятно занудный.

Ирина хоть и находилась при исполнении обязанностей судьи, каковое слово имеет общий род, но была все-таки женщиной, и своей первобытной женской сущностью понимала, что у Ордынцева не просто банальная привлекательность самца, а именно обаяние увлеченного и компетентного человека. И все же его обвиняют в халатности.

Подстерегало ее еще одно искушение: В. В. Ордынцева звали Владимиром Вениаминовичем, то есть имя, как у ее младшего сына, а отчество – как у мужа. И что в сумме? Врач, а круче них только летчики или подводники, сексапил, да еще и тезка... Вот как тут сохранять объективность, скажите на милость?

Подготовительную часть провели довольно быстро. Ирину немного смутило, что Ордынцев отказался от адвоката, но в данной ситуации это не так уж и глупо.

Даже самый дорогой адвокат вряд ли сможет вывернуть ситуацию в пользу подзащитного, ему остается только взывать к милосердию суда, мол, смотрите, я бедный, несчастный, весь перед вами, уповаю на вашу милость.

Однако, встав, чтобы произнести обвинительное заключение, Ирина заметила, что подсудимый держит под сиденьем потрепанный брезентовый рюкзак, когда-то буро-зеленый, а теперь выгоревший почти до белизны. Железные застёжки проржавели, кожаные лямки потрескались... У нее на антресолях тоже лежит такой.

Собрался, значит, бедолага, в дальнюю дорогу, не верит в гуманность советского суда.

Ирина взглянула на часы. До обеда они, конечно, не успеют, но можно договориться с Кошкиным и Бимицем, которые уважают ее статус кормящей матери. Часам к трем закончить без перерыва, и домой до завтра. Все же эти поездки туда-обратно для кормления Володи сильно выматывают.

Приступили к допросу подсудимого. Ордынцев виновным себя не признал, заявил, что к смерти Красильниковой привела череда роковых совпадений.

– Во-первых, я не психиатр и не обучен влет определять, дружит человек с головой или уже нет, – усмехнулся он, – но дело даже не в моей компетенции, а в том, что я не пошел в обход не из лени, а потому, что приемник завалили пациентами. Пришлось выбирать, – Ордынцев развел руками, – ведь разорваться-то я не мог.

– По прибытии на место вы обязаны разобраться с обстановкой, – гаркнул Кошкин, – и расставить приоритеты.

– Что и было сделано, – подсудимый усмехнулся, – смотрите, тут у меня истекающий кровью пациент, требующий немедленной торакотомии, а там – отделение со стабильными известными больными, получающими назначенное лечение. И куда я пойду, сами-то как думаете?

– Я думаю только о том, что ваше разгильдяйство стоило человеку жизни.

– Знаете, товарищ, если бы у меня на столе помер нестабильный больной, меня бы тоже никто не понял. Тоже бы сидел я сейчас на этом же самом месте и объяснял, почему шарахался по больнице, а не работал в операционной.

– Товарищи, давайте послушаем, что скажет эксперт, – вмешалась Ирина.

– Что-что, – проворчал Ордынцев, – понятно что.

Кошкин поджал губы, и Ирине стало ясно, что в нем подсудимый союзника не обрел. Она покосилась на Бимица. Тот перехватил ее взгляд и тихонько поцокал языком, укоризненно кивая в сторону Кошкина. Похоже, тут диаметрально противоположное мнение, и до трех эти двое точно не договорятся, так что придется все-таки сгонять домой покормить Володю и вернуться в суд.

Ладно, пока постараемся не снижать темпа, а там видно будет.

Вызвали жену убийцы, расплывшуюся женщину средних лет с одутловатым лицом и маленькими злыми глазами. Выглядела она как ходячая аллегория беспросветной серости бытия и ничего ценного суду не сообщила, кроме набора слезоточивых штампов «мы ему жизнь доверили, а он...», «его родина выучила, а он...», «осталась я с детьми по его милости без кормильца».

«Без поильца, так точнее будет», – усмехнулась Ирина.

– Скажите, а в чем вы лично для себя видите ущерб от халатности Ордынцева? – вдруг прервал Кошкин поток жалобных излияний.

– Ну как же... Мой муж в психушке сидит потому, что этот ваш горе-врач за ним недоглядел.

– То есть вы считаете, что Ордынцев должен был с детства ходить за вашим мужем и вырывать у него из рук стакан?

Глодова подбоченилась:

– Ишь ты, думаете, мы люди простые, так можно издеваться? Учтите, я вам это так не оставлю!

«В чем в чем, а в этом можно на тебя положиться, – мрачно подумала Ирина, – не оставишь. Сегодня же сочинишь новую жалобу, ибо не тварь ты дрожащая, а право имеешь».

– Ваш муж совершил убийство, будучи больным, – продолжал Кошкин, – поэтому не понес никакого наказания. Он всего лишь получает необходимое ему лечение. В чем именно ущемлены ваши интересы, я не понимаю.

– Муж в психушке, это как по-вашему?

– Но он там не потому, что убил, а потому что болен, – произнес Кошкин спокойно, но с нажимом, – и развитие его болезни никак не связано с халатностью Ордынцева. Если дело дошло до белой горячки, значит, он довольно долго был пристрастен к алкоголю, и вы, как жена, сами могли бы принять соответствующие меры. Вы годами наблюдали, как муж спивается, ничего не делали, а доктор должен был все исправить за десять минут, так, что ли?

– Это что еще за суд такой? Сначала мне мужа довели до психушки, а теперь и меня дурой выставляете?

– Мы просто хотим разобраться, – Ирина через силу улыбнулась потерпевшей.

Ладно, пока эта страдальца сочинит новую жалобу, пока та дойдет до адресата, она уже вернется в декрет, где ее никакой поклев не достанет.

Глодова еще немного повозмущалась бесчеловечными порядками в советском суде, где безвинно пострадавших людей выставляют дураками, и покинула свидетельское место.

Следующим выступал врач, дежуривший в тот день вместе с Ордынцевым, и отозвался он о своем коллеге довольно сдержанно. По его словам, Владимир Вениаминович всегда был неорганизованным, расхлябанным, и, хоть его постоянно назначали старшим в бригаде травматологов, он так и не научился грамотно распределять работу, всегда бегал, суетился и занимался не тем, чем нужно, а тем, чем хочется.

Вечерний обход – дело скучное и муторное, и всегда есть большой соблазн им манкировать, убедив себя и окружающих, что твое присутствие абсолютно необходимо на другом участке работы.

– Я в тот день был занят не меньше него, как вы понимаете, но выкроил время и сделал вечерний обход, – доктор гордо вздернул подбородок.

– Сделал или записал? – поинтересовался Бимиц.

– Что, простите?

– У меня сын – врач, так он всегда говорит: сделал – записал, а не сделал – дважды записал. Я так понял, что в тот день в приемнике творился просто ад крошечный.

– Ну да, обстановка напряженная создалась.

– И вы таки нашли время посмотреть больных? Или, может, вам просто повезло, что сошел с ума пациент, так сказать, соседней державы?

Доктор пожал плечами:

– Вы просто не знаете специфику нашей работы. Да, в тот день было несколько операций подряд, но для хирургов всегда между ними есть временное окно. Во-первых, ушивание раны можно поручить ассистенту, но даже если ты такой пурист старой школы, что все хочешь делать сам, все равно после последнего шва можешь покинуть операционную. Пока сестра накладывает повязку, пока больного выводят из наркоза, пока переключают, вывозят в реанимацию, сестра с санитаркой готовят операционную для следующего пациента, это тоже не за одну секунду делается... Новенького укладывают на стол, вводят в наркоз... Минимум пятнадцать минут у врача есть, чтобы подняться в отделение и пробежаться по палатам. Хотя бы к вновь поступившим навеститься.

Ирина внимательно посмотрела на подсудимого. Поймав ее взгляд, он только рукой махнул.

Пока врач покидал свидетельское место и приглашали следующего, Ирина пыталась представить себя на месте Ордынцева, и получалось не слишком хорошо. Все же разумно сделано, что воинские преступления судят трибуналы, а не обычные гражданские суды. И дело тут не в бюрократических тонкостях, не в пресловутой военной тайне, а в том, что нельзя судить человека, если ты сам не пережил ничего подобного его опыту. Ее собственная жизнь никогда не подвергалась риску, она не знает, что такое бой, и понятия не имеет, как сама повела бы себя на войне, поэтому у нее нет абсолютно никакого морального права судить дезертиров и предателей. А врачей? Да, она тоже, как и они, решает судьбу людей, но все же это другое. У нее всегда есть время на раздумье, и вышестоящие инстанции исправят ее ошибку, а доктора не располагают такой роскошью. Они должны принять решение здесь и сейчас, и если ошибутся, то ничего уже не исправить.

Свидетель утверждает, что Ордынцев мог посмотреть своих пациентов. Значит, долой сомнения, вклеим ему годик колонии и с чистой совестью пойдем домой.

Вот, коллега говорит, что время было у него, какие еще вопросы... А если представить себя на месте Ордынцева? Пришла она себе такая на работу, попивает чаек с сушечками, и тут бац! Одно за другим внезапно три расстрельных дела, которые необходимо срочно рассмотреть и вынести приговор, потому что если она этого не сделает, то всех троих к концу рабочего дня расстреляют без всякого суда. Уже солдаты стоят во дворе с заряженными пистолетами. И вот она судит изо всех сил, а у нее по плану сегодня был еще расписан Вася Иванов с квартирной кражей. Что делать? Отложить разбирательство или рассмотреть Васино дело на ходу в коридоре за те несколько минут, пока в зале идет смена подсудимых?

В этих фантастических для судьи, но вполне реальных для врача обстоятельствах она бы точно выбрала отложить Васю, а короткую передышку использовала для восстановления сил.

На свидетельское место поднялся профессор Тарасюк, импозантный мужчина средних лет в превосходном костюме-тройке, явно шитом на заказ. Сидя в декрете, Ирина слегка

отвыкла от вида таких холеных мужиков и теперь с восторгом разглядывала его галстук: жемчужно-серый, в тонкую малиновую полоску, настоящее произведение искусства. У профессора было крупной лепки значительное лицо, будто созданное для студийных черно-белых фотографий, которые украшают развороты учебников, серьезной научной литературы и красуются на стендах «История кафедры».

Рядом с ним и подсудимый, и предыдущий оратор, да и вообще все присутствующие выглядели довольно убого.

Хорошо поставленным лекторским голосом профессор сообщил, что Ордынцев – некомпетентный и невнимательный врач, и никакого оправдания ему нет и быть не может. Профессор, как эксперт, самым тщательным образом изучил истории болезни поступивших, операционный журнал, журнал поступления и готов со всей ответственностью заявить, что у Ордынцева не только было время выполнить свои обязанности, но его могло быть намного больше, потому что торакотомия была проведена без показаний.

– Следовало поставить дренаж и наблюдать, ибо всем грамотным докторам известно, что в восьмидесяти процентах случаев травмы грудной клетки лечатся консервативно. В частности, во время Второй мировой войны в британской армии таких пострадавших вели не хирурги, а терапевты.

– Мы не в британской армии, – буркнул Кошкин, но профессор не дал сбить себя с мысли.

– Таким образом, мы имеем не только грубую халатность в виде невыполнения своих обязанностей, но и выбор ошибочной тактики ведения тяжелого больного, что для доктора Ордынцева, к большому сожалению, не редкость.

– А вы его знаете? – спросил Кошкин.

Тарасюк поджал губы:

– Да, имел такое удовольствие.

– И как вы можете охарактеризовать подсудимого в целом?

– Как? Врач – это прежде всего призвание! Надо этим жить, иначе нет смысла идти в медицину, а у Ордынцева что? Придешь на обход, а в шестнадцать часов уже никого в отделении нет! Халаты сняли – про больных забыли! Коллектив разболтанный, невежественный, читают только журнал «Крокодил» и знать ничего не желают! Никакого интереса к достижениям науки, ничего не желают ни знать, ни внедрять в практику. Пришли, гипсы проверили, дневники записали, чаю попили – и по домам. И что особенно прискорбно наблюдать, не старые ведь еще все люди, гореть должны, стремиться, а они сидят, как бабки старые. Ничего не хотят. На операцию зовешь – не идут, с больными не занимаются. Особенно Ордынцев! Ему вообще на все наплевать, ну а подчиненные, глядя на него, тоже расхолаживаются, рыба ведь с головы гниет.

– То есть вы оцениваете работу подсудимого как неудовлетворительную?

– Именно! Чтобы заведовать отделением в крупной больнице, надо иметь уровень немножко выше, чем фельдшер из деревни Пупыркино. А тут... – профессор картинно развел руками, – и я докладывал об этом руководству, но, к сожалению, меры не были приняты, и мы имеем то, что имеем.

Ирина посмотрела на подсудимого. Тот сидел с нарочито скучающим лицом, закатив глаза, как это украдкой делают дети, устав от нудных нотаций взрослых.

Она тряхнула головой, отгоняя приступ дежавю. Совсем недавно на свидетельском месте стоял другой профессор, такой же откормленный и холеный, и почти теми же словами разливался о некомпетентности подсудимого, и делал он это, чтобы прикрыть собственную непорочность. Что это? Совпадение просто или, как называют медики, «закон парных случаев»? У Ирины было много друзей-врачей, и все они были люди очень суеверные, и из работающих примет особо выделяли закон парных случаев. Это когда ты двадцать лет не встречал в своей практике какое-нибудь редкое состояние, и вдруг оно тебе попало, то жди – через короткое

время поступит пациент с точно таким же исключительным заболеванием. Может, если она судит врачей, надо доверять медицинским приметам, а холеным профессорам наоборот?

– Администрации давно следовало насторожиться, – видно, Тарасюк решил вскрыть все язвы и гнойники, чтобы, как говорится, два раза не вставать, – потому что показатели работы отделения задолго до прискорбного инцидента были весьма неутешительны.

– Сука, так из-за тебя же! – вдруг взвился подсудимый.

Ирина постучала по столу кончиком ручки:

– Подсудимый, не забываете, пожалуйста, где находитесь.

Ордынцев проворчал:

– Когда ты от нас свалил, все нормально с показателями стало.

Кажется, хотел что-то еще сказать, но махнул рукой и сел.

Вдруг поднялся государственный обвинитель, который вел себя так тихо, что Ирина почти забыла о его существовании. Это был пожилой уже человек, опытный, хваткий, и обычно он уверенно направлял процесс, не давая себя обескуражить всяким там адвокатишкам и судьям, а сегодня вдруг затаился.

– Профессор, вас с подсудимым связывали рабочие отношения? – спросил он сухо.

– Как сказать...

– Как есть, так и скажите.

– Да, в этой больнице у нашей кафедры есть клиническая база, и материал для своей докторской диссертации я собирал в том числе и там.

– И?

– И собрал.

Обвинитель повернулся к Ордынцеву:

– Вы можете что-то дополнить?

Тот поморщился и махнул рукой.

– У вас был конфликт?

Ордынцев пожал плечами.

– А вы, профессор, как считаете? Был у вас конфликт?

– Помилуйте, какой может быть конфликт между доцентом кафедры и рядовым врачом, пусть и заведующим? Где он и где я... Разумеется, он препятствовал моим исследованиям, но это были так, комариные укусы, обусловленные завистью.

– Подсудимый?

– Да уж, есть там чему завидовать, – неопределенно высказался Ордынцев.

Перехватив взгляд Ирины, обвинитель постучал пальцем по циферблату своих часов, и она объявила перерыв пятнадцать минут.

Будем надеяться, у профессора хватит ума и ходовых качеств ретироваться как можно скорее, ибо подсудимый, может, и разгильдяй, но мужчина решительный и резкий. Как бы его еще за хулиганку судить не пришлось.

– Вы как хотите, а не доверяю я героическим героям, – заявил Бимиц, входя в кабинет.

– Поясните! – Кошкин щелкнул замками своего портфеля и достал аккуратный сверток с бутербродами.

– Призывы к героизму – сигнал об идиотизме.

– Согласен.

На уголке стола Кошкин развернул свой сверток, достал из портфеля перочинный ножик с пластиковой ручкой пронзительно изумрудного цвета, разрезал бутерброды строго пополам и сказал: «Угощайтесь».

Ирине стало немного стыдно, потому что в ее семье совсем не была принята культура ссобеок. Кирилл обедал в рабочей столовой, и тамошние наваристые щи с кусочками мяса, огромные, как летающие тарелки, котлеты и великолепные капустные салаты, естественно, пре-

восходили ее анемичные бутерброды. Егора кормили в школе, а для себя что-то собирать было лень и как-то неловко, что ли. Не барыня, потерпишь!

Вот и получается, что она вроде как женщина, а народных заседателей ничем домашним не порадует. Позор...

– Не скажу, что тут есть прямая связь, только вот я не встречал граждан, сотрясающих воздух пафосными речами, которые потом бы не оказывались жуткими подлецами. Так что я бы этому Тарасюку бы не особо доверял.

– Согласен, – повторил Кошкин.

Тут в кабинет заглянул гособвинитель:

– Не помешаю, Ирина Андреевна? Честно говоря, для меня оказалось сюрпризом, что подсудимый с экспертом вместе работали, и к тому же у них, очевидно, сложились неприязненные отношения.

– Ну да, похоже на то.

– Таким образом, доверие к заключению профессора снижается.

Ирина пожала плечами:

– В плане характеристики личности – да, но что касается анализа медицинской документации, тут все объективно. Кроме того, показания второго свидетеля подтверждают мнение профессора.

Обвинитель улыбнулся:

– Дорогая моя, медицинский мир узок, и второй свидетель тоже может оказаться не так прост.

– У меня сын – врач, и я вам доложу, что они друг за друга горой! Цеховая солидарность! – Бимиц гордо приосанился. – Может, этот Ордынцев и позор профессии, но я скорее поверю доктору, который соврет, что он молодец, чем этим двум правдивым людям. Вы Карла Маркса знаете?

– В общих чертах, – улыбнулся обвинитель.

– Так это был умнейший человек, и он говорил, что нет большей низости, чем разрешенная смелость.

С Марксом никто не стал спорить, и несколько минут все молча пили чай, причем обвинитель, не чинясь, сожрал все кошкинские бутерброды.

Бимиц предложил вызвать в суд врача из отделения Ордынцева, обладающего примерно таким же стажем и опытом, чтобы рассказал о своем непосредственном начальнике и заодно обрисовал обстановку на дежурствах – действительно ли всегда можно улучшить время для обхода.

Фантазия Кошкина оказалась еще более богатой. Он потребовал врача-психиатра, дежурившего в тот день. Пусть сообщит, мог ли Ордынцев диагностировать у пациента психическое расстройство до того, как он убил медсестру. Немного подумав, военрук запросил еще родственников погибшей, которых он считал истинными потерпевшими в этом деле.

– Красиво жить не запретишь, – вздохнула Ирина.

Кошкин многозначительно кашлянул:

– Ирина Андреевна, горю этой мадам я сочувствовать не могу, ибо муж ее попал туда, где давно должен был оказаться, и приобретет она больше, чем потеряла. Но мы не должны забывать, что настоящей жертвой халатности стала медсестра, и вот ее родные имеют полное право заявить свое отношение к поступку доктора Ордынцева.

Что ж, военрук прав, а это значит, что сегодня они точно ничего не решат.

Ладно, сейчас заслушаем независимого эксперта-психиатра, который скажет, что Владимир Вениаминович проворонил все, что только мог, объявим перерыв до завтра, секретарю напомним обеспечить явку свидетелей любой ценой, а сами поедем домой и после обеда уже не вернемся. И дома мы не будем ни секунды думать, кто прав, кто виноват. Вообще выбросим

из головы и просто назначим то наказание, которое потребуют родственники погибшей Красильниковой, ибо хоть суд и должен быть беспристрастным, а у потерпевших тоже есть права и их надо уважать. Прекрасный план!

Показания психиатра оказались именно такими, как она думала. Белая горячка редко начинается с бурной агрессии, обычно ей предшествует период невыносимой тоски, угнетения, потом начинаются различного рода галлюцинации, и только после, не получив помощи, больной впадает в буйство. Если пациент не предъявляет жалоб, то на этот случай есть соматические маркеры – тремор, потливость, на которые врач обязан обратить внимание. «Если бы Ордынцев сделал обход, он обязательно бы насторожился, – резюмировал эксперт, – возможно, не принял бы необходимых мер, но сестру бы непременно предупредил».

– И что бы она сделала?

– Как минимум не позволила бы больному подойти к себе так близко и убить себя так, что никто во всем отделении этого не слышал.

Что ж, перспектива для Ордынцева вырисовывалась не самая радужная. Ирина на его месте уже бежала бы из города, только пятки бы сверкали. Никто не вступился за несчастного разгильдяя, интересно почему?

Такой отвратительный специалист? Но в таком случае кто мешал убрать его с заведования? Убийство во вверенном тебе отделении да еще во время твоего дежурства – можно ли для понижения в должности придумать повод шикарнее? Наверное, можно, но очень трудно. Почему же администрация позволила ему еще почти целый год занимать руководящую должность? Блатной? Или все-таки руководство не захотело жертвовать отличным специалистом из-за одной ошибки?

В карьере Ирины пока не было фатальных промахов, но она понимала, что настанет день, когда она тоже ошибется. Может быть, даже в этом деле, такая будет ирония судьбы – на медицинскую ошибку наложится юридическая.

Например, оправдает Ордынцева, и он, воодушевленный чувством собственной неуязвимости, совсем распоясается и отправит на тот свет кучу народа. Как ей потом людям в глаза смотреть?

Ей-богу, лучше бы председатель ей какого-нибудь маньячилу очередного расписал!

Ирина надеялась, что не страдает высокомерием и не считает своих подсудимых недочеловеками. Да, интеллигентные культурные люди на скамью подсудимых садились довольно редко, в основном приходилось иметь дело с товарищами, не развитыми ни умственно, ни духовно, и, положив руку на сердце, большой симпатии они не вызывали. Ими невозможно было восхищаться и даже мало-мальски уважать, да и сочувствовать получалось далеко не всегда, но Ирина понимала: она судит этих людей не потому, что лучше их, ни в коем случае. Просто она знает закон и облечена властью, вот и все.

И в подавляющем большинстве случаев Ирина понимала, какое наказание будет справедливым для вора или убийцы, и они сознавали, что получают по заслугам, и шли на зону, которая была для них не каким-то фантастическим местом из параллельной вселенной, а обычной частью бытия.

Трудная и ответственная, но понятная работа. Даже когда судила Кирилла, и то было проще, там всего лишь следовало разобраться, доказана его вина или нет.

А тут все ясно, а что делать – бог его знает. Год лишения свободы за отнятую по твоей беспечности жизнь, казалось бы, не так уж и много. Только надо понимать, что для врача это не просто рядовой эпизод в криминальной биографии, а крушение всех планов и надежд. Криминальный элемент с детства учит тюремные порядки и обычаи, знает блатной этикет, который построже, чем у английского королевского двора, словом, ориентируется в обстановке. А врач попадает в незнакомую и крайне агрессивную среду, и там чистая лотерея. Возьмут тебя

работать в больничку или нет, попадешь к отморозкам или к приличным людям... В результате может так получиться, что назначенный ею год обернется смертным приговором.

Так что ж, пожурить и простить? И совесть будет чиста? Ведь Ордынцев не хотел ничего плохого, просто замотался на работе. Ладно, а если замотается командир подводной лодки и случайно, по запарке, нажмет не ту кнопку и выпустит ракету, которая уничтожит целый город? Его тоже надо будет отпустить, потому что он просто устал и хотел как лучше? Там халатность унесла тысячи жизней, а здесь – всего одну. Но можно ли обесценивать эту жизнь, непрожитые годы, боль близких только потому, что она всего одна?

Ирина со вздохом покачала головой. Кошкин с Бимицем ускакали радостные, как школьники после вопля «училка заболела», а она слегка задержалась, укладывая в сумку бумаги, с которыми собиралась поработать дома. Скорее всего, это будет бессмысленное таскание тяжестей туда и обратно, но попробовать стоит.

Она застегивала пальто, когда в дверь кабинета постучали, и вошла статная пожилая дама.

– Надеюсь, я не опоздала, – произнесла она внушительно.

Ирина пожала плечами.

– Я вас не ждала.

– Я имею в виду, что вы еще не вынесли приговор товарищу Ордынцеву.

– Завтра.

– Я буду. Но сейчас хотелось бы поговорить с вами вот о чем, – дама кашлянула и поправила прическу из седых подсиненных волос, похожую на парик времен Людовика XIV.

Ирина всегда завидовала людям, которые, когда хотят поговорить, абсолютно уверены, что их станут слушать, поэтому не стала препираться, а жестом предложила даме сесть.

– Дело в том, что я учительница Кости Ордынцева, сына подсудимого, и, что бы он там ни натворил, ради ребенка прошу вас вынести ему наказание, не связанное с лишением свободы.

– Вот как? И почему же?

– Костя в три года потерял мать, и разлука с отцом станет для него серьезным потрясением.

Ирина нахмурилась. Ордынцев, стало быть, вдовец... Как она могла проворонить этот момент? Нет, ясно, что перед вынесением приговора она бы тщательно изучила все обстоятельства, но почему молчал сам подсудимый? Да он должен был изо всех сил давить на эту педаль, безостановочно орать, что отец-одиночка. А он на вопрос о семейном положении просто сказал, что был женат и имеет восьмилетнего сына. В современном мире трактуется это однозначно – развелся, ребенок остался с матерью.

– И что же, он сам воспитывает сына?

– Да. Не скажу, что я в восторге от его методов, но как умеет, так и воспитывает.

Ирина покачала головой, выражая сочувствие. А с другой стороны, какого черта? Мать-одиночка или разведенка с прицепом не вызывает в обществе особого восторга. Сама виновата, нечего было спать с кем попало. Что? Муж бросил? Снова твоя вина, не сумела удержать, вот и расхлебывай теперь. Не берегла себя и семью, нарожала, теперь сама колотись, нечего на нас свои проблемы вешать. А то ишь чего, отпуск тебе подавай летом, а работу твою кто будет делать, пока ты на больничном расслабляешься? Мы? С чего бы? У нас свои дети есть!

Безмужняя женщина с ребенком – это второсортное существо, зато отец-одиночка воистину геройский и эпический персонаж, перед ним все препятствия расступаются, как воды Красного моря перед Моисеем. Лучшие отпуска, лучшие графики, бабушки, дочерям и невесткам гавкающие: «Я у тебя этого ребенка не просила», бросают все и мчатся сидеть с приболевшим чадом одинокого папочки. И обедик приготовят, и в квартире уберут, и постирают, и все сделают, лишь бы облегчить горькую долю мужика. И хоть Фемида должна быть слепа, но ради отца-одиночки можно один глазик приоткрыть, не правда ли? Сына Костю, понятное

дело, жаль, только не было в практике Ирины случая, когда женщина отделалась бы условным наказанием и не пошла на зону только на том основании, что не с кем оставить ребенка. Получай то, что заслужила, а о твоих детях позаботится Родина-мать.

– Спасибо, что обратили мое внимание на это важное обстоятельство, – сухо произнесла Ирина. – У вас есть еще ко мне вопросы?

– Завтра я приду в суд и буду внимательно наблюдать за процессом, и вы уж не обессудьте, но если приговор меня не устроит, то я подам сигнал в соответствующие инстанции.

– Господи, у нас что, открыли чемпионат кляузников, а я не знаю?

– Что, простите?

– Ничего. Интересы ребенка будут приняты во внимание.

Иван Кузьмич забрал Костика из школы и, когда Ордынцев пришел домой, был уже изрядно на взводе, хотя перед ребенком старался виду не подавать. Ордынцеву стало неловко: он так расстроился, что пытка растягивается до завтра, что забыл позвонить тестю и сообщить, что сегодня его еще в тюрьму не заберут.

С одной стороны, ему было бы удобнее, если бы Иван Кузьмич ходил в суд, потому что, бог его знает, дают ли свежесужденным звонить родственникам и прощаться, но с другой – приятно, что тесть сегодня не попал под поток помоев, который на него вылили. Нет, определенно присутствие родного человека только сковывало бы его и лишало остатков хладнокровия, и очень хорошо, что тесть сам туда не рвется.

За два дня до трагедии Ордынцев положил Ивана Кузьмича в свое отделение с артрозом тазобедренного сустава – в ту самую палату, куда позже попал безумный убийца, и дед так и не мог себе простить, что не заметил его состояния и не предотвратил смерть медсестры.

До больницы он целую неделю мучился от болей, поэтому, когда лечение стало помогать, спал сутки напролет и проспал белую горячку соседа.

Ордынцев охрип, убеждая его, что для постановки такого диагноза надо быть специалистом, только Иван Кузьмич все равно считал, что есть большая доля его вины в смерти человека и в том, что зять загремит на зону. Оказавшись в суде, он мог бы не выдержать, начал бы защищать Владимира, каяться, чем, естественно, сделал бы только хуже.

Понимая, что в, возможно, последний вечер на свободе отец хочет побыть с сыном, Иван Кузьмич ушел домой, даже не пообедав.

Ордынцев чувствовал, что надо сказать что-то торжественное и важное, дать родительские наставления, но в голову ничего не шло, и они с Костей просто запустили железную дорогу и лежали на ковре, наблюдая за поездами, и было так хорошо, что завтра не имело значения.

Когда Костя лег якобы спать, а на самом деле, Ордынцев знал это точно, читать с фонариком под одеялом, он на кухне заварил себе чайку и сидел в темноте, слушая, как капает в раковину вода из прохудившегося крана, и думал, сколько дел откладывал на потом, а теперь никогда не успеет сделать.

Капли падали не совсем ритмично, и Ордынцев внимательно слушал, пытаясь понять, есть ли тут какая-нибудь мелодия, или все случайно.

Сильный мужчина на его месте сейчас должен бы выпить. Замахнуть стакан водки как минимум, а лучше нализаться до зеленых соплей, а как же иначе, ведь решается его судьба. Только Ордынцева не тянуло, хотя, в принципе, контроль над ситуацией потерян полностью, и сохранять контроль над собой уже ни к чему.

Сегодняшние речи коллег не стали для него сюрпризом. Владимир знал, что Тарасюк с дежурным доктором скорее откусят себе языки, чем скажут хоть одно доброе слово в его адрес. Тарасюка он выжил из своего отделения после долгой борьбы и вообще не давал ему развернуться во всю силу, а второму доктору ничего плохого не сделал, но не считал его гением и не склонялся перед его величием. В принципе, Ордынцев любил делиться опытом и ставить

на крыло молодых докторов. Если человек работал добросовестно, слушал, что ему говорят, занимался, оставался дежурить дополнительно к графику, то Ордынцев много что позволял ему делать – сначала под своим контролем, а потом и самостоятельно. Но этот парень дежурил в больнице на полставки, а основная должность у него была ассистента кафедры, так что не царское это дело – слушать простого травматолога. Вот Владимир и не видел смысла наставлять этого молодого специалиста и к самостоятельной работе не допускал, потому что, кроме амбиций, там ничего не было – ни знаний, ни навыков.

Только Тарасюк со своим выкормышем просто слегка его недолюбливают, а судьи, захотевшие услышать о нем что-то хорошее, по иронии судьбы вызвали трех его настоящих врагов.

«Мне конец, – ухмыльнулся Владимир, – сопротивление бесполезно».

Ординатор Морозов люто ненавидит его за то, что Ордынцев увел у него из-под носа кресло заведующего. Он старше, работал дольше, и специалист очень неплохой, и рассчитывал на повышение, но руководство решило, что молодой ординатор лучше годится для административной работы. С тех пор прошло четыре года, а отношения у них не сказать что натянутые, но холодные. Теперь Морозову не только предоставился шанс оттоптаться на враге, но и получить наконец долгожданную должность. Ордынцев прикинул на себя – стал бы он защищать своего зава в таких обстоятельствах? Вроде бы порядочность требует, но не факт, не факт...

Психиатр? О, тут вообще беда. Сколько у них, двух ведущих специалистов в психотерапии, случилось батальи – не сосчитать...

Не всегда так бывает, что человек болеет чем-то одним, и по одной врачебной специальности. Перелом ноги сочетается с пневмонией, сотрясение мозга с пороком сердца, и так далее. Комбинаций бесконечное множество, и всегда возникает вопрос – куда положить?

Например, внутричерепная гематома и острый психоз – тут все ясно, психоз – это симптом гематомы, и пациент идет в нейрохирургию, или в травму, как у них. А белая горячка и перелом ребер? Совершенно не уникальный случай, встречается сплошь и рядом. Опынение провоцирует травмы, а госпитализация и связанный с ней резкий отказ от алкоголя вызывают белую горячку. Или шизофреники чего только с собой не делают при обострении – и вены вскрывают, и из окон прыгают, и, как правило, остаются живы, и поступают в больницу, ставя врачей в тупик вопросом «куда девать?». Определишь в психушку – там доктора уделяют внимание больше духу, нежели плоти, и обязательно проморгают осложнения травм. Положишь в травму и получишь острый психоз с трагическими последствиями. Вот и выбирай.

Ордынцев не любил психов у себя в отделении (как знал прямо), а психиатр ненавидел оформлять пациентов в специализированный стационар, поэтому у них частенько случались бурные научные дискуссии с переходом на личности, и Ордынцев позволил себе несколько эпитетов, за которые ему до сих пор было стыдно. Нечего сомневаться, завтра это ему аукнется.

Ах, все бы это ничего, если б не Катя. Он вздохнул, а потом все равно улыбнулся от хорошего воспоминания.

В прошлом году он не собирался на новогодний вечер, а потом все-таки пошел. Актный зал был празднично убран, на карнизах висели дождики и гирлянды из фольги, на сцене установили настоящую елку, которая пахла смолой и немножко воском, ярко блестели разноцветные шары, и в душе вдруг промелькнула тень детской веры в чудо, когда мама уложила тебя спать днем, чтобы после ты досидел до полуночи со взрослыми, и ты лежишь в сумерках, и совсем не спишь, и слышишь, как мама хлопочет на кухне, и волнуется, запечется ли гусь, а папа ходит на цыпочках, стараясь, чтобы старый паркет в коридоре не скрипел и не разбудил тебя, а по потолку медленно проплывают отсветы от фар машин, и ты замираешь перед счастьем, которое вот-вот наступит...

От воспоминаний стало тепло и чуть-чуть грустно, и когда Ордынцев взглянул на девушку, одиноко сидящую в уголке зала, ему показалось, что она чувствует то же самое, что и он.

Он не сразу узнал операционную сестру Катю, без колпака и маски она показалась ему не такой хорошенькой, как он про нее думал, но все же довольно милой. Да внешность ее и не важна была, просто хотелось прикоснуться к исходящей от нее чистой спокойной радости. Ордынцев позвал ее танцевать, сначала просто так, потом ощутил податливое женское тело и подумал, почему бы и нет. Девушка льнула к нему, и тонкий аромат ее волос, и теплая мягкая рука, доверчиво лежащая на его плече, заставили его действовать.

Ордынцев выпил несколько бокалов шампанского, но не был пьян, скорее одурманен желанием и тоской по женщине. У него давно никого не было, а тут такая милая девушка и так доверчиво отвечает на его ласки.

Он привел ее в ординаторскую, и было несколько минут упоительных, головокружительных поцелуев, о которых он до сих пор вспоминал, как о каком-то чуде, а потом она вырвалась и убежала.

Ордынцев тогда очень расстроился, с трудом остыл и поехал домой, а утром понял, что все к лучшему, и когда после праздника встретил Катю, то улыбнулся ей с благодарностью и думал о ней с большой симпатией, как о человеке, избавившем его от множества проблем. Страшно подумать, как развивались бы события, если бы они переспали. Пришлось бы или жениться, или сгореть от стыда. Помимо того, что она младше его лет на пятнадцать, он был бы у нее первым, да еще вскоре выяснилось, что Катя – племянница, а по сути – дочь его лучшей медсестры.

В общем, спасибо, что не дала, Катя, благослови тебя бог.

Наверное, надо было с ней поговорить, но Ордынцев малодушно решил, что лучше всего делать вид, будто ничего не было, и вскоре стал забывать о своем маленьком приключении, но тут убили Любовь Петровну.

В отделении ее очень любили, поэтому собрали довольно крупную сумму, и старшая сестра помогала Кате с похоронами и поминками.

Ордынцев видел, что девушка совершенно раздавлена горем, на похоронах подошел, хотел поддержать, но Катя отвернулась.

Будучи студенткой, Катя дежурила по ночам и в выходные, смены у них редко совпадали, но Ордынцев справлялся о ней у других операционных сестер, те пожимали плечами: «Держится». Потом вздыхали и добавляли, что бедняжка осталась совершенно одна.

Ордынцев снял со сберкнижки почти все свои сбережения – четыреста рублей, и специально приехал на работу в воскресенье, когда Катя дежурила. Неловко переминаясь с ноги на ногу, он протянул ей конверт, промямлив какую-то глупость. Катя гордо повела плечами и процедила, что у нее претензий нет, поэтому не нужно от нее откупаться. Деньги категорически не взяла, и Ордынцев ушел несолоно хлебавши. А больше он не знал, чем ей помочь. Поначалу он думал, что она так сурова с ним из-за того Нового года, что он не стал за ней ухаживать, но вскоре до него дошли слухи, что Катя считает его виноватым в смерти тетки.

Ордынцев в принципе любил женщин, хорошо думал о них, но знал, что даже лучшие из них безжалостны. Родных и близких они окружают нежностью и всяческой заботой, а посторонним нечего рассчитывать на пощаду.

Катя – хорошая девушка, стало быть, раз пошла с ним целоваться в ординаторскую, значит, он нравился ей, и она ждала... Бог знает, чего там ждут юные девушки, но всяко не дружелюбных кивков.

Черт, он оказался каким-то злым гением в Катиной судьбе! И обманул, и погубил единственного ее родного человека...

Ну что же, она имеет полное право завтра так размазать его по скамье подсудимых, что, как говорит Костя, проще закрасить, чем отскрести.

Ордынцев усмехнулся. За годы работы врачом он научился не то чтобы разбираться в людях, но интуитивно угадывать, кто хороший, кто плохой. Судьи вроде бы все хорошие. Сим-

патичная молодая дама, больше похожая на воспитательницу из детского сада, чем на служительницу Фемиды, смотрит спокойно, мощный дядя средних лет поглядывает на него с явной симпатией, а отставной военный моряк настроен против, но в то же время чувствуется, что будет судить взвешенно и здраво. Только если ни один свидетель не скажет ни слова в его защиту, ясно, какой они вынесут приговор.

Потянувшись до хруста в спине, он поджег газ под чайником и подумал, что эти обыденные действия уже завтра станут недостижимой роскошью. Начнется совсем другая жизнь – по команде, по свистку. А эта безвозвратно закончится.

Иван Кузьмич утешает, что дадут мало, время летит быстро, и он оглянуться не успеет, как вернется домой, только Ордынцев его оптимизма не разделял. Зона – это в первую очередь туберкулез, там палочка Коха вывелась такая удалая, что ей никакие БЦЖ не указ. Скорее всего, он заразится, а поскольку сам врач, то у него заболевание будет протекать в нетипичной и максимально агрессивной форме. Допустим, он выживет, но возвращаться к сыну, чтобы плевать на него бациллами – не самая лучшая идея, и о карьере врача придется забыть.

Завтра жизнь кончится, из-за роковой случайности, из-за поганого алкаша все летит в тартарары. Но, с другой стороны, ему ли роптать? Он хотя бы жив, а Любви Петровны больше нет на свете из-за этой самой случайности...

Как Ирина и предполагала, она просто провозила бумаги туда-сюда. Дома нашлись гораздо более интересные занятия, и еще Егор огорошил известием, что завтра начинаются каникулы. Ирина чертыхнулась про себя. Классическое «помнила, но забыла»!

Сидя в декрете, она строила большие планы на весенние каникулы сына. Он был сильно загружен в школе и в музыкалке, она тоже вся в хлопотах о маленьком Володе, и как-то некогда им стало поговорить по душам, погулять или просто почитать вместе, так что Ирина мечтала, как в каникулы снова сблизится с сыном, чтобы он не подумал, будто Володя занял его место в мамином сердце. Она хотела купить билеты в театр, походить с Егором в музеи, словом, вести себя как ответственная мать, а вместо этого пропала на работе.

До конца недели ей еще судить, а там от каникул сына останется крохотный огрызок... В общем, не мать она, а черт-те что!

Да еще из-за этих так некстати нагрянувших каникул в суд явилась вчерашняя училка и уселась в первом ряду, положив руки на старомодную сумочку и изящно скрестив удивительно тонкие для такой статной дамы лодыжки.

Ирина вздохнула. Пришлось ей хлебнуть горькой доли разведенки с ребенком, так что трудновато было проникнуться отцовским подвигом Ордынцева, но мальчишку действительно жаль. Мать умерла, отец сядет, и вся жизнь у парнишки перевернется. Хорошо, если бабушки с дедушками живы и согласны забрать, а иначе – детский дом, а там тоже как повезет. Ой, да кого она обманывает – не повезет. Душевные травмы и подорванная на всю жизнь психика пацану обеспечены. А что чувствует Ордынцев в преддверии разлуки с сыном, даже страшно себе представить, если она сама так сокрушается из-за каких-то испорченных каникул!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.